

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "НОСКО И НЕФЕДОВ (NOSKO AND NEFEDOV) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (Жалобы N 5753/09 и 11789/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Страсбург, 30 октября 2014 г.)

По делу "Носко и Нефедов против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Изабель Берро-Лефевр, Председателя Палаты,
Элизабет Штейнер,
Паулу Пинту де Альбукерке,
Линос-Александра Сисилианоса,
Эрика Месе,
Ксении Туркович,
Дмитрия Дедова, судей,
а также при участии Серена Нильсена, Секретаря Секции Суда,
заседая за закрытыми дверями 7 октября 2014 г.,
вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами (N 5753/09 и 11789/10), поданными против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) двумя гражданами Российской Федерации: Аллой Владимировной Носко и Николаем Поликарповичем Нефедовым (далее - заявительница и заявитель соответственно, вместе - заявители), - 30 декабря 2008 г. и 25 января 2010 г. соответственно.

2. Интересы заявительницы Носко представлял Иван Григорьевич Носко, адвокат, практикующий в г. Заречный Пензенской области. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. Заявители, осужденные за взяточничество и соучастие в получении взятки, утверждали, что их осуждение являлось следствием провокации

милиции в нарушение статьи 6 Конвенции.

4. 17 ноября 2010 г. Европейский Суд коммуницировал жалобы властям Российской Федерации.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Оба заявителя были объектами негласных операций, направленных на расследование получения взятки, которое вела милиция, в соответствии со статьями 6 и 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности".

6. Факты каждого уголовного дела, представленные сторонами, кратко изложены ниже. Фактические подробности негласных операций не оспариваются, и заявители признали, что получили деньги в обмен на обещания оказать некоторые услуги. Однако заявители оспаривали позицию властей Российской Федерации относительно причин проведения негласных операций и обстоятельств, которые к ним привели. В частности, они утверждали, что получили деньги только потому, что их к этому подстрекали сотрудники милиции, и они не сделали бы этого при других обстоятельствах.

А. ЖАЛОБА НОСКО (ЖАЛОБА N 5753/09)

7. Заявительница родилась в 1960 году и проживает в г. Заречный Пензенской области. В момент задержания она работала врачом дерматологом-венерологом в амбулаторном отделении муниципальной больницы в г. Заречном.

8. Как утверждают власти Российской Федерации, милиция г. Заречный получила конфиденциальную информацию, уличавшую заявительницу в незаконном получении денег за выдачу и продление листов нетрудоспособности. 19 ноября 2007 г. было решено провести негласную операцию в отношении заявительницы, чтобы документировать ее незаконную деятельность. Сотрудники милиции предложили А. участвовать в операции в качестве ее агента.

9. Как утверждает заявительница, она не была причастна к получению взяток до операции, и у милиции не было оснований ее подозревать. 20 ноября 2007 г. ее коллега и бывший однокурсник по медицинскому учебному заведению Х пришел к ней в кабинет, когда она принимала пациентов. Его сопровождала молодая женщина А. Он попросил заявительницу выдать листок нетрудоспособности А., у которой был герпес на ноге. Заявительница осмотрела женщину, подтвердила диагноз, назначила А. лечение и выдала ей листок нетрудоспособности. Заявительнице показалось, что она узнала в А. мать девочки, которую она лечила ранее. 23 ноября 2007 г. А. одна пришла в кабинет заявительницы, и заявительница согласилась продлить ей листок нетрудоспособности, поскольку ее состояние не улучшилось, А. получила

листок и передала заявительнице 500 рублей (11 евро). Заявительница взяла деньги, поскольку думала, что А. предлагает их в знак благодарности за успешное лечение ее дочери. Как только А. вышла, сотрудники милиции зашли в кабинет заявительницы и предложили ей и присутствовавшим медсестрам показать все имеющиеся у них деньги. Заявительница достала кошелек, и, пока милиция обыскивала кабинет, она вспомнила о деньгах, которые передала ей А. Заявительница испугалась и переложила деньги из кармана в левую туфлю, где милиция впоследствии их нашла.

10. 26 мая 2008 г. Зареченский городской суд Пензенской области рассмотрел дело заявительницы. Заявительница признала получение денег, поскольку считала, что это подарок от благодарной пациентки. Она утверждала, что сотрудники милиции подстрекали ее к получению денег. В частности, агент была направлена в ее кабинет в сопровождении коллеги, которого она знала со времени учебы в медицинском учебном заведении, и по его просьбе она выдала листок нетрудоспособности А.

11. А. пояснила в суде, что 19 ноября 2007 г. она согласилась помочь сотрудникам милиции провести негласную операцию для расследования взяточничества. Она позвонила своему знакомому Х и сказала ему, что ей нужен листок нетрудоспособности в оправдание нахождения дома в период ремонта квартиры. Х согласился ей помочь, и на следующий день она пришла вместе с ним в амбулаторное отделение больницы. У нее было с собой 2 000 рублей (42 евро) наличными и записывающее устройство, которое ей ранее выдали сотрудники милиции. Она передала Х 500 рублей (11 евро) за посреднические услуги, а также дала 500 рублей (11 евро) заявительнице, которая, не осматривая ее, выдала ей листок нетрудоспособности. 23 ноября 2007 г. она повторно пришла в кабинет заявительницы. Заявительница не осматривала ее, но продлила срок действия листка нетрудоспособности за 500 рублей (11 евро), которые заявительница положила в карман одежды.

12. Х сообщил, что А. несколько раз обращалась к нему с просьбой выдать ей листок нетрудоспособности. Он согласился помочь ей и получил от нее 500 рублей (11 евро). Он обратился к нескольким врачам, но они отказались помочь, и он решил попросить об этом заявительницу. 20 ноября 2007 г. он пришел в кабинет заявительницы, и она выдала ему листок для А. за 500 рублей (11 евро), не осматривая А.

13. Сотрудник милиции, отвечавший за негласную операцию, также давал показания в суде. В частности, он пояснил, что после получения конфиденциальной информации о взяточничестве заявительницы было организовано проведение негласной операции, чтобы проверить и документировать незаконную деятельность заявительницы.

14. 26 мая 2008 г. Зареченский городской суд Пензенской области удовлетворил отказ прокурора от обвинения заявительницы в части эпизода 20 ноября 2007 г. за отсутствием доказательств. Он признал заявительницу виновной в получении взятки, совершенном 23 ноября 2007 г., и приговорил ее к трем годам лишения свободы условно с трехлетним испытательным сроком.

15. 6 августа 2008 г. Пензенский областной суд, рассмотрев жалобу, оставил без изменения обвинительный приговор, вынесенный заявительнице. Суд отклонил довод о провокации и решил, что у милиции были основания для проведения негласной операции, поскольку имелась компрометирующая информация о заявительнице, раскрывавшая ранее существовавший умысел на получение взятки.

В. ЖАЛОБА НЕФЕДОВА (ЖАЛОБА N 11789/10)

16. Заявитель родился в 1951 году и проживает в г. Чебоксары Чувашской Республики. В момент задержания он работал наркологом-психиатром в региональном наркологическом центре <1>.

<1> Так в оригинале. Возможно, имеется в виду "Региональный наркологический диспансер", который в настоящее время является Бюджетным учреждением Министерства здравоохранения и социального развития Чувашской Республики (примеч. редактора).

17. Власти Российской Федерации утверждали, что в начале 2008 года милиция получила информацию о том, что заявитель и другие сотрудники регионального наркологического центра выдают ложные заключения медицинской экспертизы за денежное вознаграждение. 17 июля 2008 г. милиция решила провести негласную операцию, чтобы выявить и документировать незаконные действия заявителя. Один из сотрудников милиции, И., был назначен для участия в негласной операции и дачи взятки заявителю за изменение результатов анализа крови И. и выдачу подложного заключения медицинской экспертизы.

18. Заявитель оспорил утверждения властей Российской Федерации. В частности, он указывал, что компрометирующая информация была неопределенной и касалась медицинского персонала местного наркологического центра в целом. В ней лично он не упоминался в качестве лица, берущего взятки. Кроме того, у милиции не было жалобы от лиц, предположительно потерпевших от его незаконных действий.

19. Заявитель также сообщил, что 18 июля 2008 г., когда он заступил на смену в региональном наркологическом центре, сотрудники дорожной милиции <2> доставили в его кабинет И. для анализа крови на алкоголь. Заявитель провел предварительную проверку, которая показала, что И. находится под воздействием алкоголя. И. признался, что употреблял спиртные напитки накануне. Тем временем сотрудник, сопровождавший И., вышел из кабинета, и И. стал просить заявителя помочь ему получить благоприятный результат анализа крови, поскольку боялся, что уровень алкоголя в крови превысит предусмотренный законом, и он будет лишен права на управление транспортным средством. Вначале заявитель категорически отказался сделать это и направил заявителя в лабораторию для анализа крови в присутствии сотрудников милиции. Затем И. вернулся в кабинет заявителя и снова стал

просить о помощи. Он предложил заплатить заявителю и утверждал, что его заработок и способность содержать семью зависят от права управления транспортным средством. 19 июля 2008 г. к заявителю в кабинет вновь пришел И. и снова просил о помощи. Затем заявитель согласился попробовать поговорить с сотрудниками лаборатории и предположил, что И. придется заплатить 6 000 рублей (126 евро) или 7 000 рублей (147 евро) лаборанту. Однако медсестра, работавшая в кабинете заявителя, сказала, что потребуется не менее 10 000 рублей (210 евро), поскольку лаборант на меньшую сумму не согласится. Тогда И. заплатил заявителю 10 000 рублей. Заявитель передал 5 000 рублей (105 евро) лаборанту за изменение результатов анализа крови И. и 1 500 рублей (32 евро) медсестре, чтобы обеспечить конфиденциальность. 25 июля 2008 г. заявитель получил еще 4 000 рублей (84 евро) от И., и они договорились о том, что еще 2 000 рублей (42 евро) будут заплачены позже. Сразу после этого милиционеры вошли в кабинет заявителя, обвинили его в соучастии в получении взятки и задержали на месте.

<2> Так в оригинале. По-видимому, имеются в виду сотрудники ГИБДД (примеч. редактора).

20. 29 мая 2009 г. Московский районный суд г. Чебоксары рассмотрел дело заявителя. Заявитель пояснил, что вначале он отказывался удовлетворить просьбу И. Он признался, что получил деньги от И., но лишь потому, что И. описал трудную жизненную ситуацию и настойчиво просил и подстрекал заявителя помочь ему.

21. И. сообщил, что 18 июля 2008 г. он употребил 200 граммов водки в присутствии сотрудников милиции, которые должны были участвовать в негласной операции. В то время он не знал имени заявителя. После некоторых формальностей с документами все они направились в местный наркологический центр, где заявитель вначале установил, что у И. имеются признаки алкогольного опьянения. Когда он и заявитель были одни, он попросил заявителя подделать результаты его анализа крови, чтобы он не лишился водительского удостоверения. Заявитель отказался сделать это и направил его в лабораторию для сдачи анализа крови. Он вновь просил заявителя помочь ему, предлагал ему деньги, и заявитель наконец согласился. 19 июля 2008 г. он встретился с заявителем в его кабинете. Заявитель сказал ему, что он должен заплатить 6 000 рублей (126 евро) или 7 000 рублей (147 евро) лаборанту. Однако И. дал заявителю 10 000 рублей (210 евро), поскольку медсестра, находившаяся в кабинете заявителя, предположила, что лаборант меньшую сумму не возьмет. Заявитель позднее сообщил ему, что лаборант изменит результаты анализа. 25 июля 2008 г. он заплатил 4 000 рублей (84 евро) заявителю в дополнение к деньгам, переданным ранее, и договорился заплатить еще 2 000 рублей (42 евро) позднее, по требованию заявителя.

22. Сотрудник милиции, ответственный за проведение негласной операции, пояснил, что в начале 2008 года милиция получила информацию, уличавшую заявителя и других сотрудников регионального наркологического

центра в получении взяток. В июле 2008 года была спланирована и проведена негласная операция с участием И., одного из сотрудников милиции. В ходе операции заявитель согласился подделать результаты медицинской экспертизы за денежное вознаграждение от И. Проводились аудио- и видеозаписи негласной операции, и личный обыск заявителя в конце операции показал, что при нем находились помеченные банкноты.

23. 29 мая 2009 г. Московский районный суд г. Чебоксары признал заявителя виновным в соучастии в получении взятки и приговорил его к двум годам и шести месяцам лишения свободы и трехлетнему запрету занимать государственные и муниципальные должности. Суд отклонил довод заявителя в полном объеме, поскольку признал, что милиция законно проводила негласную операцию. Заявитель обжаловал приговор, ссылаясь на милицееское подстрекательство к совершению преступления, за которое он был осужден.

24. 30 июля 2009 г. Верховный суд Чувашской Республики, рассмотрев жалобу, нашел довод заявителя о провокации необоснованным и оставил приговор без изменения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

25. Часть вторая статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, действовавшая в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривала, что получение должностным лицом взятки за незаконные действия (бездействие) наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

26. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривал следующее:

"Статья 1. Оперативно-розыскная деятельность

Оперативно-розыскная деятельность - вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее - органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Статья 2. Задачи оперативно-розыскной деятельности

Задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших...

Статья 5. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при

осуществлении оперативно-розыскной деятельности

...Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору или в суд...

Статья 6. Оперативно-розыскные мероприятия

При осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия:

...9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.

10. Прослушивание телефонных переговоров.

11. Снятие информации с технических каналов связи.

12. Оперативное внедрение...

14. Оперативный эксперимент...

Оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров [с подключением к станционной аппаратуре компаний, предоставляющих услуги и средства связи], со снятием информации с технических каналов связи, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность...

Статья 7. Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий

[Основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются]...

1. Наличие возбужденного уголовного дела.

2. Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о:

1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела...

Статья 8. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий

Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

1. О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

2. О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного

следствия обязательно...

...оперативный эксперимент или оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, его подготавливающих, совершающих или совершивших...

Статья 9. Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении. Указанные материалы рассматриваются уполномоченным на то судьей единолично и незамедлительно; судья не вправе отказать в рассмотрении таких материалов в случае их представления...

По результатам рассмотрения указанных материалов судья разрешает проведение соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан, указанные в части первой настоящей статьи, либо отказывает в его проведении, о чем выносит мотивированное постановление.

Статья 10. Информационное обеспечение и документирование оперативно-розыскной деятельности

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них настоящим Федеральным законом, могут создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета.

Дела оперативного учета заводятся при наличии оснований, предусмотренных пунктами 1 - 6 части первой статьи 7 настоящего Федерального закона...

Статья 11. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий... а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств...

Статья 21. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью

Прокурорский надзор за исполнением настоящего Федерального закона осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры.

По требованию указанных прокуроров руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представляют им оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий...".

27. 24 июля 2007 г. в статью 5 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" было внесено изменение, запрещающее органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

28. Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), действующего с 1 июля 2002 г., в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривала, что решения дознавателя, следователя или прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам "участников уголовного судопроизводства" либо "затруднить доступ граждан к правосудию", могут быть обжалованы в суд, к юрисдикции которого относится место следствия. Последующие изменения этого Кодекса дополнили перечень должностных лиц, действия которых могут быть обжалованы, включив в него руководителя следственного органа.

29. 10 февраля 2009 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснения (Постановление N 1) о практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений в соответствии со статьей 125 УПК РФ. Пленум, в частности, указал, что решения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, также подлежат судебной проверке в соответствии со статьей 125 УПК РФ, если данные должностные лица действовали в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания.

30. УПК РФ в соответствующих частях предусматривает:

"...Статья 75. Недопустимые доказательства

1. Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из [обстоятельств, доказывание которого требуется в разбирательстве уголовного дела]...

Статья 235. Ходатайство об исключении доказательства

...5. Если суд принял решение об исключении доказательства, то данное доказательство теряет юридическую силу и не может быть положено в основу приговора или иного судебного решения, а также исследоваться и

использоваться в ходе судебного разбирательства...".

31. Статья 413 УПК РФ содержит перечень оснований для пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам. Установление Европейским Судом нарушения положений Конвенции при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд, признается новым обстоятельством, являющимся основанием для возобновления производства по делу (часть первая и пункт 2 части четвертой статьи 413 УПК РФ).

III. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

32. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS N 173 от 27 января 1999 г.) устанавливает в статье 23, что каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут оказаться необходимыми, включая меры, допускающие использование специальных методов расследования в соответствии с внутренним законодательством, в целях содействия сбору доказательств в этой сфере.

33. В пояснительной записке к Конвенции дополнительно указывается, что "специальные методы расследования" могут включать использование негласных агентов, прослушивание телефонных разговоров, перехват телекоммуникаций и доступ к компьютерным системам.

34. Статья 35 данной Конвенции предусматривает, что она не затрагивает прав и обязательств, вытекающих из многосторонних международных конвенций по специальным вопросам.

35. Комитет министров Совета Европы также принял несколько резолюций, описывающих меры, принятые властями Португалии, Греции и Литвы на основании соответствующих постановлений Европейского Суда об использовании негласных агентов. Комитет, в частности, отметил, что во внутригосударственное законодательство этих стран внесены изменения с включением таких требований, как предварительная судебная санкция, наличие достоверной и объективной уличающей информации и веских доказательств в дополнение к показаниям участвующих сотрудников полиции (см. Резолюцию CM/ResDH(2001)12, принятую Комитетом министров Совета Европы 26 февраля 2001 г., Резолюцию ResDH(2011)11, принятую Комитетом министров Совета Европы 10 марта 2011 г., Резолюцию CM/ResDH(2011)231 принятую Комитетом министров Совета Европы 2 декабря 2011 г.).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

36. В соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда Европейский Суд решил объединить жалобы в одно производство, поскольку они содержат сходные доводы и затрагивают одинаковые вопросы с точки зрения

Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

37. Заявители жаловались, что их осуждение за взяточничество по подстрекательству со стороны сотрудников милиции было несправедливым и нарушающим пункт 1 статьи 6 Конвенции, который предусматривает:

"Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...".

38. Власти Российской Федерации оспорили этот довод. Они утверждали, что заявители имели умысел на совершение взяточничества, что милиция провела негласные операции законно и что уголовное разбирательство против заявителей было справедливым.

39. Заявители не согласились и настаивали, что совершили преступления только потому, что милиция подстрекала их к этому.

A. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

40. Европейский Суд отмечает, что настоящие жалобы не являются явно необоснованными в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, они должны быть объявлены приемлемыми.

B. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(а) Власти Российской Федерации

41. Власти Российской Федерации утверждали, что негласные операции в обоих делах не влекли подстрекательства. Они заявили, что милиция имела предусмотренные законом основания для проведения негласной операции в каждом деле, поскольку получила информацию о выдаче заявителями подложных медицинских документов за денежное вознаграждение. Они указывали, что источники этой информации были секретными и отсутствовала необходимость их раскрытия, так как доказательства, представленные судам, были достаточными для решения вопроса о наличии или отсутствии подстрекательства. Кроме того, до проведения операций милиция провела в обоих делах предварительные мероприятия для подтверждения сведений, имевшихся против заявителей.

42. Власти Российской Федерации также утверждали, что после получения компрометирующей информации руководители соответствующих органов милиции в обоих делах приняли решения о проведении негласных операций. Судебная санкция для этого не требовалась, поскольку данные

негласные мероприятия не затрагивали конституционное право заявителей на тайну их корреспонденции, телефонных или иных переговоров или уважение их жилища.

43. Власти Российской Федерации также указали, что в ходе негласных операций на заявителей не оказывалось давления и что заявители требовали и получали взятки по собственной воле. Кроме того, в каждом деле милиция соблюдала все формальные требования к проведению негласной операции. Результаты были раскрыты, и суды рассмотрели и приняли доказательства, полученные в ходе проведения операций.

44. Наконец власти Российской Федерации утверждали, что доводы заявителей о провокации были эффективно выдвинуты и надлежащим образом рассмотрены внутригосударственными судами. В частности, заявители ознакомились и комментировали доказательства, представленные по делу, подавали ходатайства об исключении некоторых доказательств и допрашивали свидетелей, показывавших против них. Таким образом, уголовное разбирательство против заявителей являлось справедливым и соответствовало статье 6 Конвенции.

(b) Заявители

45. По мнению заявителей, сотрудники милиции незаконно создали искусственную ситуацию для подстрекательства их к получению взяток. Они указали, что до негласной операции милиция не владела информацией, которая обвиняла их лично в преступной деятельности или свидетельствовала о склонности к получению взяток. Кроме того, компрометирующая информация могла быть недостоверной, поскольку ее источники не были известны.

46. Оба заявителя утверждали, что процедура получения санкции на негласные операции не являлась ясной и предсказуемой, так как милиция не установила подозреваемых до негласной операции, а наугад выбрала заявителей для нее. Негласная операция не отвечала цели расследования преступной деятельности. Кроме того, заявительница Носко подчеркнула, что процедура получения санкции не подлежала независимому судебному контролю.

47. Заявители также считали, что сотрудники милиции оказывали на них давление для совершения преступлений. В частности, заявительница Носко получила деньги, переданные ей милицейским агентом, которую привел в кабинет заявительницы давний коллега заявительницы. Заявитель Нефедов, со своей стороны, указал, что милицейский агент описал свою сложную личную ситуацию и, таким образом, активно пробуждал сострадание у заявителя, просил помочь и взять деньги взамен.

48. Наконец, оба заявителя утверждали, что суды не рассмотрели надлежащим образом их доводы о провокации и обстоятельства, сопровождавшие две негласные операции.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Общие принципы

49. Европейский Суд в целом признает, что рост организованной преступности и трудности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в выявлении и расследовании преступлений, требуют принятия адекватных мер. Он подчеркивает, что полиция все чаще должна использовать негласных агентов, информаторов и тайные практики, особенно в борьбе с организованной преступностью и коррупцией (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Раманаускас против Литвы" (*Ramanauskas v. Lithuania*), жалоба N 74420/01, §§ 49 и 53, ECHR 2008).

50. Таким образом, Европейский Суд последовательно принимает использование тайных следственных методов в борьбе с преступностью. Он неоднократно указывал, что негласные операции сами по себе не являются вмешательством в право на справедливое судебное разбирательство и что наличие ясных, адекватных и достаточных процессуальных гарантий отделяет допустимое полицейское поведение от подстрекательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Раманаускас против Литвы", §§ 51 и 53, Постановление Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации" (*Bannikova v. Russia*) от 4 ноября 2010 г., жалоба N 18757/06 <1>, § 35, Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации" (*Veselov and Others v. Russia*) от 2 октября 2012 г., жалобы N 23200/10, 24009/07 и 556/10 <2>, §§ 89 и 93, и Постановление Европейского Суда по делу "Лагутин и другие против Российской Федерации" (*Lagutin and Others v. Russia*) от 24 апреля 2014 г., жалобы N 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09 <3>, § 90).

<1> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 4/2011.

<2> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 4/2013.

<3> Опубликовано в электронном периодическом издании "Прецеденты Европейского Суда по правам человека" N 3/2014.

51. В частности, Европейский Суд подчеркнул, что Конвенция не препятствует использованию на стадии предварительного следствия, если этого требует характер преступления, таких источников, как анонимные информаторы. Однако последующее использование подобных источников судом первой инстанции при признании виновности составляет иной вопрос и является допустимым только при наличии адекватных и достаточных гарантий против злоупотреблений, в частности, ясной и предсказуемой процедуры санкционирования, осуществления данных следственных действий и контроля за ними (см. Постановление Европейского Суда по делу "Тейшейра де Кастро

против Португалии" (*Teixeira de Castro v. Portugal*) от 9 июня 1998 г., § 35, Reports of Judgments and Decisions 1998-IV, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Раманаускас против Литвы", § 53).

52. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что, хотя допустимость доказательств относится к компетенции внутригосударственных судов, задача Европейского Суда заключается в том, чтобы удостовериться, было ли справедливым судебное разбирательство в целом, включая способ получения доказательств (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Раманаускас против Литвы", § 52). В делах, в которых основное доказательство получено в результате негласной операции, власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации", § 40, цитирующее Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Раманаускас против Литвы", §§ 63 и 64, и Постановление Европейского Суда по делу "Малининас против Литвы" (*Malininas v. Lithuania*) от 1 июля 2008 г., жалоба N 10071/04, § 36). Они должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что имеют место приготовления для совершения действий, составляющих преступление, за которое заявитель в дальнейшем преследуется (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", § 90). Европейский Суд подчеркивал, что любая используемая властями информация должна поддаваться проверке (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", § 90) и что публичный интерес не может оправдывать использование доказательств, полученных в результате подстрекательства, поскольку оно подвергло бы обвиняемых угрозе быть лишенными справедливого судебного разбирательства с самого начала (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Тейшейра де Кастро против Португалии", § 36, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации", § 34).

53. В этом отношении Европейский Суд указывал, что граница между законным внедрением негласного сотрудника и подстрекательством к совершению преступления с большей вероятностью будет преодолена в отсутствие ясной и предсказуемой процедуры, установленной внутригосударственным законодательством для санкционирования негласных мероприятий, тем более, если надлежащий контроль отсутствует. В делах против Российской Федерации Европейский Суд, в частности, отмечал, что ни Закон "Об оперативно-розыскной деятельности", ни иные акты не предусматривают достаточные гарантии в этом отношении, и подчеркивал необходимость получения санкции суда или другого независимого органа и контроля с их стороны (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации",

§ 93, и цитируемые в нем дела).

54. Европейский Суд также отмечал в своей прецедентной практике, что негласные операции должны проводиться существенно пассивным образом в отсутствие оказания давления на заявителя для совершения преступления за счет таких средств, как принятие на себя инициативы в контактах с заявителем, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или обращение к чувству сострадания заявителя (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", § 92, и цитируемые в нем дела).

55. Наконец, Европейский Суд указывал, что, если обвиняемые выдвигают доказуемый довод о подстрекательстве, внутригосударственные суды имеют обязательство рассмотреть его в рамках состязательной, тщательной, всесторонней и убедительной процедуры, причем на сторону обвинения возлагается бремя доказывания отсутствия подстрекательства. Пределы судебной проверки должны включать мотивы принятия решения о негласном мероприятии, степень участия полиции в совершении преступления и характер любого подстрекательства или давления, которому подвергся заявитель. Что касается Российской Федерации, Европейский Суд, в частности, устанавливал, что внутригосударственные суды были уполномочены рассматривать такие доводы, например, в рамках процедуры исключения доказательств (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", § 94, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Раманаускас против Литвы", §§ 70 и 71, и Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации" (*Khudobin v. Russia*) жалоба N 59696/00 <1>, § 133, ECHR 2006-XII (извлечения)).

<1> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 11/2007.

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

56. Европейский Суд отмечает, что оба заявителя настаивали, что милиция не имела оснований подозревать их в получении взятки и что она организовала негласные операции против них на основании непроверенной информации из нераскрытых источников. Они также указывали, что процедура получения санкции на операции была недостаточной, поскольку не подлежала какому-либо независимому судебному или административному контролю или надзору. Кроме того, заявители утверждали, что милиция не оставалась пассивной во время операции, а оказывала на них давление с целью совершения преступления. Носко и Нефедов также утверждали, что судебная проверка их доводов о подстрекательстве не была состязательной, тщательной и всесторонней.

57. В свете утверждений заявителей и применимой прецедентной

практики Европейского Суда Европейский Суд сосредоточится прежде всего на обстоятельствах, предшествующих и сопровождавших негласные операции в двух делах, с целью установления того, имело ли место подстрекательство. Затем он рассмотрит способ оценки судами страны доводов обоих заявителей о провокации.

(i) Негласная операция в деле Носко

58. Из объяснений сторон следует и, по-видимому, не оспаривается ими, что милиция узнала о предположительно незаконных действиях заявительницы в результате получения информации из нераскрытого источника. Как видно из извлечений из протокола судебного заседания, представленного заявительницей, ни сама А., ни сотрудник милиции, отвечавший за операцию, не демонстрировали осведомленность по поводу того, что заявительница получала взятки ранее. Власти Российской Федерации не оспаривали данное утверждение. Информация, полученная из анонимного источника, таким образом, являлась единственным основанием для проведения негласной операции, и в качестве таковой ее следовало, соответственно, проверить.

59. Власти Российской Федерации подчеркивали, что для проверки информации до негласной операции милиция осуществляла "наведение справок" и "оперативное внедрение". Однако они не сообщили, как и когда проводились наведение справок и оперативное внедрение и какая информация была получена. Кроме того, процессуальные данные, представленные властями Российской Федерации, не относятся к наведению справок или оперативному внедрению. Они свидетельствуют только о том, что две поразительно схожие операции были проведены последовательно 20 и 23 ноября 2007 г. Обе они были обозначены как "оперативный эксперимент". Отсутствовали иные документы, свидетельствующие, что милиция провела дополнительные предварительные следственные действия. Так, представляется, что милиция приступила к проведению негласной операции 20 ноября 2007 г., сразу после получения компрометирующей информации без надлежащего подтверждения и что заявительница была впоследствии осуждена в этой связи. Тот факт, что обвинения, относящиеся к этому эпизоду, были затем сняты, не имеет значения, поскольку суд все же принял в качестве доказательства банкноты и запись от 20 ноября 2007 г., признавая заявительницу виновной в отношении эпизода 23 ноября 2007 г. Следовательно, операция, проведенная 20 ноября 2007 г., не являлась предварительным наведением справок и не служила цели расследования возможной преступной деятельности, а, по-видимому, являлась умышленным и рассчитанным шагом в создании уголовного дела против заявительницы.

60. Европейский Суд также принимает во внимание роль А. Не оспаривается, что она участвовала в негласной операции по предложению милиции. Как следует из протокола судебного заседания, сотрудник милиции, отвечавший за негласную операцию, сообщил, что А. принимала участие в

подобных операциях ранее, и его показания не были оспорены. Таким образом, можно предположить, что А. сотрудничала с милицией на регулярной основе, ее участие в негласной операции по делу заявительницы не было случайным, и власти Российской Федерации не доказали противоположного. Исходя из этого Европейский Суд не может согласиться, что милиция провела наведение справок перед проведением негласной операции.

61. Кроме того, Европейский Суд учитывает, что процедура получения санкции на негласную операцию в настоящем деле не сопровождалась достаточными гарантиями и не являлась предметом независимого контроля и надзора. Европейский Суд уже отмечал в ранее рассмотренных российских делах о проверочных закупках наркотиков, что нормативная база Российской Федерации о получении санкции и надзоре имеет недостатки, даже притом, что изменения 2007 года в Закон "Об оперативно-розыскной деятельности" недвусмысленно запретили провокацию (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", § 103, Постановление Европейского Суда по делу "Ваньян против Российской Федерации" (Vanyan v. Russia) от 15 декабря 2005 г., жалоба N 53203/99 <1>, §§ 46 и 47, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации", § 135). Как и проверочная закупка в деле Веселова, негласная операция в отношении заявителя была санкционирована простым административным решением органа, который позднее провел операцию. В решении содержалось очень мало информации относительно причин проведения операции, и мероприятие не подлежало судебному или иному другому независимому контролю (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", § 104).

<1> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 7/2006.

62. Европейский Суд также учитывает, что милиция направила А. к заявительнице не прямо, а через бывшего однокурсника заявительницы и многолетнего коллеги. Привлечением Х к негласной операции и помещением заявительницы в неуместно неформальное окружение милиция, по крайней мере, в некоторой степени рассчитывала на доверие заявительницы к этому лицу и ее желание помочь коллеге. Таким образом, можно заключить, что милиция не оставалась полностью пассивной и негласная операция включала, по крайней мере, некоторый элемент давления на заявительницу.

63. Европейский Суд также отмечает, что во внутригосударственном разбирательстве следственные органы не утверждали, что их поведение оставалось строго пассивным. В этой связи Европейский Суд напоминает, что бремя доказывания возлагается на власти, которые обязаны продемонстрировать отсутствие подстрекательства, но он также признает, что на практике они могут не иметь возможности исполнения этой обязанности в

отсутствие формальной санкции и контроля негласной операции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", §§ 109 - 110). Недостатки процедуры, по-видимому, объясняются отсутствием адекватного законодательного регулирования (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", § 111), но это не освобождает милицию от обязанности добросовестного проведения расследования с использованием инструментов, предоставленных законодателем, как, например, в Постановлении Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации" (упоминавшееся выше). Кроме того, в то время как Европейский Суд подчеркивает, что наиболее целесообразной гарантией проведения негласной операции является судебный надзор, он также ссылается на возможность прокурорского надзора (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Банникова против Российской Федерации", § 50) и отмечает, что законодательство Российской Федерации в то время предусматривало дискреционные полномочия прокурора по надзору за уголовными делами и оперативными материалами (см. § 26 настоящего Постановления).

64. В настоящем деле отсутствие процессуальных гарантий привело к негласной операции, назначенной произвольно, что умаляло ее правомерность с самого начала и подвергло заявительницу угрозе милицейской провокации.

65. Наконец, Европейский Суд согласен с заявительницей в том, что ее довод о подстрекательстве не был адекватно рассмотрен внутригосударственными судами. Суд первой инстанции сослался в целом на оперативную информацию и на право милиции предотвращать и выявлять преступную деятельность. Он не проверил, почему милиция решила провести операцию, какими материалами она располагала или каким образом милиция и ее информатор взаимодействовали с заявительницей. Он ограничил свою проверку в основном поведением заявительницы во время операции и указал, что она была предрасположена к совершению преступления, поскольку согласилась взять деньги. Суд кассационной инстанции повторил мотивировку суда первой инстанции и нашел ее довод необоснованным.

66. Вышеизложенные соображения достаточны, чтобы позволить Европейскому Суду прийти к выводу о том, что в деле заявительницы материально-правовые и процессуальные нарушения властей в совокупности нарушили право заявительницы на справедливое судебное разбирательство. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(ii) Негласная операция в деле Нефедова

67. Согласно версии властей Российской Федерации в начале 2008 года милиция стала получать информацию о причастности некоторых врачей местного медицинского центра, включая заявителя, к получению взяток. В этой связи были приняты дополнительные следственные меры, такие как "изучение агентурных сведений", которые подтвердили данные относительно

заявителя.

68. Европейский Суд прежде всего отмечает, что источник информации в настоящем деле остается государственной тайной, поэтому власти должны были иметь веские причины для операции. В этой связи Европейский Суд также отмечает, что милиция имела не менее пяти-шести месяцев для рассмотрения предварительной информации, установления ее достоверности и документирования результатов. Однако Европейский Суд не имеет данных, подтверждающих, что имела место дополнительная проверка или что ее содержание составляло государственную тайну и поэтому не могло быть раскрыто. Кроме того, хотя сотрудник милиции, отвечавший за операцию, сообщил, что имелись конкретные доказательства против заявителя и что - по соображениям безопасности - личность заявителя не была известна негласному сотруднику милиции (И.) до самой операции, сам негласный сотрудник милиции свидетельствовал о противоположном. В частности, на вопрос прокурора в суде И. ответил, что милиция не имела в виду конкретное лицо и что они обратились к заявителю, поскольку он дежурил в день негласной операции. Прокурор не опроверг и не уточнил показания И. Власти Российской Федерации также не предоставили разумного объяснения противоречивым показаниям, данным сотрудниками милиции, участвовавшими в одной негласной операции. В свете вышеизложенных соображений и поскольку в делах о подстрекательстве бремя доказывания возлагается на власти, представляется, что милиция не проверила предварительную информацию в требуемой степени и что их подозрения в отношении заявителя были необоснованными. По существу они провели негласную операцию в "подозрительном месте", предполагая разоблачить взяточников наугад, не имея в виду конкретно заявителя.

69. Вместе с тем, как и в ранее рассмотренном деле, в отсутствие эффективной нормативной базы процедура получения санкции на негласную операцию не была ясной и предсказуемой и не имела независимого надзора. Отсутствовала реальная подотчетность относительно проведения операции и способа ее проведения, поскольку она находилась под исключительным контролем того же сотрудника милиции, который впоследствии дал показания против заявителя в суде.

70. Европейский Суд также не согласен с доводом властей Российской Федерации о том, что сотрудники милиции не оказывали давления на заявителя и что сам заявитель указал сумму взятки, тем самым проявив свой существовавший умысел на совершение преступления. Согласно расшифровке аудиозаписи, предоставленной Европейскому Суду, после того, как предварительные тесты выявили уровень алкоголя в его крови, негласный сотрудник милиции пытался убедить заявителя помочь ему, несмотря на то, что последний упорно сопротивлялся. Он неоднократно заверял заявителя, что имеет связи в милиции и сможет урегулировать этот вопрос, но нуждается в сотрудничестве с заявителем. Он не менее трех раз упоминал, что его финансовое положение и способность содержать семью зависят от наличия действующего водительского удостоверения. В ходе негласной операции

только медсестра упомянула 10 000 рублей (210 евро) в качестве достаточной суммы для выплаты лаборантскому персоналу. Если не учитывать последующего приблизительного подсчета суммы, подлежащей уплате лаборанту, заявитель не требовал взятку для себя. В связи с этим очевидно, что милиция оказала на заявителя давление для преодоления его решимости не брать взятку.

71. Наконец, суды дали только ограниченную оценку довода заявителя о провокации, не рассмотрев причины негласной операции и сопровождавшие ее обстоятельства и не приняв во внимание утверждения заявителя о давлении сотрудников милиции во время негласной операции.

72. Европейский Суд находит, что способ организации и проведения негласной операции был неадекватным и ненадлежащим, что необратимо умалило справедливость разбирательства по уголовному делу заявителя. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(iii) Краткое изложение выводов Европейского Суда

73. Европейский Суд напоминает, что, хотя законодательство Российской Федерации прямо запрещает провокацию, оно не содержит адекватные механизмы контроля и надзора и относит негласные операции на усмотрение сотрудников, осуществляющих их, как случилось в двух делах, рассмотренных выше. Хотя Европейский Суд признает, что судебный надзор является адекватной гарантией для проведения негласных операций, он отмечает, что в целях осуществления судебного контроля на практике судам необходим доступ к достаточному фактическому материалу, разъясняющему обстоятельства, повлекшие проведение негласной операции. Европейский Суд сознает трудности рассмотрения судами Российской Федерации доводов о провокации на основании ограниченных данных, предоставляемых им по усмотрению органов, проводящих негласные операции. Однако он продолжает подчеркивать, что в борьбе против наркоторговли, коррупции и других преступлений нельзя допустить, чтобы соображения процессуальной экономии и эффективности стояли на пути фундаментального права лица на справедливое судебное разбирательство, особенно в свете успешных усилий, предпринятых другими европейскими странами в этой сфере (см. § 35 настоящего Постановления и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Веселов и другие против Российской Федерации", §§ 50 - 63).

74. Европейский Суд установил ранее, что поверхностное предварительное расследование в сочетании с недостатками процедуры получения санкции на негласные операции в обоих делах оставили заявителей незащищенными перед произвольными действиями милиции и умалили справедливость уголовных разбирательств по их делам. Внутригосударственные суды, со своей стороны, уклонились от адекватного рассмотрения доводов заявителей о провокации и, в частности, не проверили основания проведения проверочных закупок и поведение милиции и ее

информаторов в отношении заявителей.

75. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что уголовное разбирательство против обоих заявителей было несовместимо с понятием справедливого судебного разбирательства. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

76. Наконец, оба заявителя выдвинули дополнительные жалобы в соответствии с пунктом 1 и подпунктами "с" и "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с уголовными разбирательствами против них. Европейский Суд рассмотрел эти жалобы, выдвинутые заявителями. Однако, принимая во внимание предоставленные материалы, и насколько предмет жалоб находится в его юрисдикции, он не усматривает в них признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или Протоколами к ней. Из этого следует, что жалобы являются явно необоснованными и должны быть отклонены в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

77. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. УЩЕРБ

78. Носко требовала 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Нефедов требовал 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 5 000 евро в качестве компенсации материального ущерба.

79. Власти Российской Федерации полагали, что в случае установления факта нарушения Конвенции Европейским Судом оно само по себе являлось бы достаточной справедливой компенсацией в настоящем деле в отношении обоих заявителей. Они оспорили требования Нефедова как необоснованные, чрезмерные и не соответствующие размерам компенсаций, присуждаемых Европейским Судом по аналогичным делам. Что касается материального ущерба, власти Российской Федерации отмечали, что заявитель не представил каких-либо документов, обосновывающих его требования.

80. Европейский Суд полагает, что в настоящем деле при присуждении справедливой компенсации следует учитывать тот факт, что в нарушение статьи 6 Конвенции заявителям не был обеспечен справедливый суд,

поскольку они были осуждены за преступления, связанные со взяточничеством, к которым подстрекала милиция. Им, несомненно, был причинен моральный вред вследствие нарушения своих прав. Однако суммы, требуемые Носко и Нефедовым, выглядят чрезмерными. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает каждому из заявителей 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную выше сумму.

81. Что касается требования Нефедова о компенсации материального ущерба, Европейский Суд не усматривает причинной связи между установленным нарушением и предполагаемым материальным ущербом, соответственно, он отклоняет эту часть требований.

82. Кроме того, Европейский Суд напоминает свою последовательную прецедентную практику о том, что, если заявитель претерпел нарушение своих прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, он должен быть как можно скорее поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы требования этого положения не были нарушены, и что наиболее целесообразной формой возмещения было бы в принципе новое рассмотрение дела или возобновление производства по нему, при наличии такого требования (см. с необходимыми изменениями Постановление Большой Палаты по делу "Оджалан против Турции" (*Ocalan v. Turkey*), жалоба N 46221/99, § 210, последняя часть, ECHR 2005-IV, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Малининас против Литвы", § 43, и Постановление Европейского Суда по делу "Попов против Российской Федерации" (*Popov v. Russia*) от 13 июля 2006 г., жалоба N 26853/04 <1>, § 264). Европейский Суд в этой связи отмечает, что статья 413 УПК РФ предусматривает возможность возобновления разбирательства по уголовному делу в случае установления Европейским Судом нарушения Конвенции (см. § 31 настоящего Постановления).

<1> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 1/2008.

83. Из установления нарушения не могут быть сделаны выводы о виновности или невиновности заявителей. Эти вопросы подлежат оценке при возобновлении внутригосударственного разбирательства. Европейский Суд учитывает, что в случае оправдания после возобновления разбирательства они могут требовать компенсации материального ущерба и морального вреда, причиненных вследствие осуждения, и внутригосударственные суды находятся в лучшем положении для рассмотрения этих требований.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

1. Носко

84. Заявительница требовала 55 500 евро (1 165 евро) в счет судебных

расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств во внутригосударственных судах, которые охватывали юридическое представительство на стадиях предварительного следствия и судебного разбирательства. Она представила расписки, подтверждающие эти выплаты. Она также требовала 294 рубля 72 копейки (6 евро 19 копеек) за соответствующие почтовые расходы в Российской Федерации и 2 453 рубля 50 копеек (51 евро 55 центов) за переписку с Европейским Судом. Однако только некоторые предоставленные документы поддаются прочтению и только расходы на 144 рубля 36 копеек (3 евро 03 цента) по внутренней корреспонденции и на 1 657 рублей 18 копеек (34 евро 80 центов) по корреспонденции с Европейским Судом являются обоснованными. Наконец, заявительница просила о возмещении расходов на перевод в сумме, которую Европейский Суд сочтет уместной. Она не предоставила документов, подтверждающих оплату расходов услуг перевода.

85. Власти Российской Федерации возражали, что заявительница представила документы, которые обосновывают только выплату 55 000 рублей (1 155 евро), тогда как другие расписки не поддаются прочтению и не являются вполне понятными. Они также указывали, что заявительница не представила доказательств относительно расходов на перевод.

86. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание представленные ему документы и вышеуказанные критерии, Европейский Суд считает разумным присудить 57 301 рубль 54 копейки (1 202 евро 83 цента) в качестве возмещения издержек по всем основаниям, по которым заявительница представила поддающиеся прочтению документальные доказательства.

2. Нефедов

87. Заявитель требовал 2 000 евро в качестве компенсации расходов на юридическое представительство, понесенных в рамках внутригосударственного разбирательства, 3 000 рублей (63 евро) расходов на юридическое представительство, понесенных в Европейском Суде, и 2 000 рублей (42 евро) расходов на лечение. Заявитель не предоставил документов в поддержку своего требования о компенсации юридических издержек. Что касается издержек на лечение, он пояснил, что не предоставил документов, поскольку не знал, что должен сохранять их.

88. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не доказал, что судебные расходы и издержки были действительно понесены.

89. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле с учетом представленных

документов и вышеизложенных критериев Европейский Суд не присуждает Нефедову какой-либо суммы по данному основанию.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

90. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) решил объединить жалобы в одно производство;
- 2) объявил жалобу приемлемой в части осуждения заявителей за преступления, совершенные по подстрекательству милиции, а в остальной части - неприемлемой;
- 3) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении обоих заявителей;
- 4) постановил, что:
  - (а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы, подлежащие переводу в национальную валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты;
    - (i) 3 000 евро (три тысячи евро) в пользу каждого заявителя, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
    - (ii) 1 202 евро 83 цента (одну тысячу двести два евро восемьдесят три цента) в пользу Носко в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на эту заявительницу;
  - (б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;
- 5) отклонил оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 30 октября 2014 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
ИЗАБЕЛЬ БЕРРО-ЛЕФЕВР

Секретарь

